

18+

**СЕМНАДЦАТЬ
ОТТЕНКОВ
ЛЮБВИ**

ОЛЬГА ТОПРОВЕР

Художник: Лариса Макеева

Ольга Топровер

**Семнадцать оттенков
любви. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Топровер О.

Семнадцать оттенков любви. Сборник рассказов / О. Топровер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984316-6

Эта книга — совместный проект с художницей Ларисой Макеевой.
Репродукции ее картин помогают раскрасить истории и характеры героев в
яркие краски. В семнадцать оттенков любви.

ISBN 978-5-44-984316-6

© Топровер О.
© Издательские решения

Содержание

Семнадцать оттенков любви	6
Как стать звездой	11
Хэппи-энд в большом городе	15
Ошибка Ричарда	17
Черный лед	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Семнадцать оттенков любви

Сборник рассказов

Ольга Топровер

Иллюстратор Лариса Макеева

© Ольга Топровер, 2020

© Лариса Макеева, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4316-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семнадцать оттенков любви

Времени, как всегда, не было. Но, как назло, на заправочной станции все пошло наперекосяк. Табло упрямо продолжало показывать нули, а бензин в бак перетекать и не думал. Тут-то она и посмотрела на водителя соседней машины – не просто так, а чтобы понять, испытывает ли он те же трудности, что и она.

Нажав на пистолет-наконечник, тот чертыхнулся. Джулия непроизвольно посмотрела вниз – туда, откуда должен течь бензин. И увидела его джинсы. Вернее, ноги, одетые в джинсы. И какие ноги! Сильные, крепкие, прямые – произведение искусства, а не ноги. Мурашки возникли вдруг где-то между лопатками и холодком побежали вниз по спине. Передернув плечами, как бы избавляясь от наваждения, Джулия спросила:

– Что, тоже не работает?

– Безобразие, – обернулся он к ней, – а мне тут застревать ни к чему.

Боже, какое лицо! Правильный нос, темные, спускающиеся волнами до самых плеч волосы. Жгучие черные глаза. Чувственные губы... Что-то в нем было, что-то такое неуловимое, напоминающее Антонио Бандераса. Нет, пожалуй, незнакомец был красивее. И моложе! Господи, что это с ней? Так ведь нельзя. Должен же быть у него, как и у каждого человека,

какой-нибудь изъян во внешности! Ну же?! Она вдруг почувствовала, как задрожал ее подбородок. Нервная система отказывает? Нет, она не будет сдаваться. Надо искать изъян! С лицом понятно. Дальше. Ровный красивый загар. Плечи – широкие, руки – мускулистые, такие, какие и должны быть у настоящего мужчины. Ноги... Ах, ноги! Ну, не видела она никакого изъяна. Никакого! Разве так бывает?!

– Ну что же, пойду жаловаться, – сказал он.

– Я с вами, – к своему удивлению, произнесла Джулия.

А ведь могла остаться и подождать известий у машины!

– Что-то случилось? – невинно спросил из-за прилавка кассир.

– А вы и не в курсе? Бензин не поступает, – ответил незнакомец.

– И у вас тоже? – повернулся клерк к Джулии.

– И у меня, – подтвердила она и, почувствовав солидарность, посмотрела на своего случайного знакомого, как бы ища поддержки.

Он кивнул с одобрением. Джулия улыбнулась в ответ и, покачнувшись, непроизвольно наклонилась вбок в его сторону. Ее локоть скользнул по его упругой приятно теплой руке.

– Извините, – смутилась она.

– Ничего страшного, – подмигнул он и улыбнулся.

Боги! У него были белоснежные ровные – нет, не просто ровные, а голливудские! – зубы. Никакого изъяна, даже самого маленького! Голова у нее закружилась.

– Так-так-так, понятно, – произнес кассир, стуча по клавиатуре компьютера. – Извиняюсь за неудобство! Теперь все должно работать, как часы.

Инцидент был исчерпан. Они вернулись каждый к своей машине и синхронно нажали на «пистолеты». Бензин потек.

– У вас почти грузовик! – сказала она, смерив взглядом его машину.

– Кроме того, почти доисторический, – засмеялся он. – Если честно, пообтрепалась машинка. Вот, на салон, например, посмотрите.

Он кивнул в сторону открытой двери. Драпировка на водительском сиденье истерлась до дыр. Из одной из них выразительно торчал кусок белого поролона.

– Как видите, БМВ, как у вас, мне не по карману, – усмехнулся он.

– В моем БМВ нет ничего необычного, – пошутила она. – А ваша машина – почти музейный экспонат.

– Хотите прокатиться? – подмигнул он.

Вот так предложение! Оно ни больше ни меньше как останавливает время. Ничто теперь не имеет значения, только этот миг, это «здесь и сейчас». Забыв обо всем на свете, Джулия ныряет в машину рядом с незнакомцем. Омут его черных глаз затягивает ее в свой водоворот. Она дотрагивается до упругого предплечья и в тот же миг ее ладонь падает на обтянутую джинсами коленку. Тем временем он уже ведет машину. Но не далеко, а всего лишь вон в тот самый дальний угол парковки – туда, куда никто никогда не заглядывает. Молодец! Она довольна его выбором. Как же она истосковалась по мужскому телу! По такому вот сильному, упругому, идеальному телу... Машина дергается и останавливается. «Давай пересядем назад», – выдыхает она. Там, на заднем сиденье, чувствуя себя свободной, как никогда, она подается вперед – и ныряет в поцелуй, как в море с обрыва. Голова кружится невероятно. Это он... Это от него она пьянеет. От желания, от предвкушения, от вкуса самой жизни. Его сильные ладони оказываются под шелковой блузкой Джулии и скользят вверх, пытаясь расстегнуть ее бра. Долго возится. Неуклюжий... Впрочем, как и положено мужчине! Не отрываясь от его губ, она ловко помогает ему в одно мгновение. Вот он, этот миг! Она свободна! Абсолютно свободна! Какое это несказанное, почти забытое блаженство – быть в объятиях мужчины. Восторг! Сознание медленно оставляет ее. Она уже не здесь, она далеко. Летит, несется, отчаливает в страну любви, на планету наивысшего наслаждения...

... Все это вихрем пронеслось в ее голове за едва уловимые мгновения.

– Так хотите прокатиться? – повторил он.

Взгляд Джулии все еще был прикован к торчащему кусочку поролона.

– Спасибо, но я очень спешу, – вздохнула она.

... Через час она сидела в кабинете врача, а доктор Лайт просматривала бумаги с результатами анализов. В конце концов, она оторвала взгляд от папки и улыбнулась:

– Поздравляю, Джулия! Впервые за эти годы у вас все в норме. Значит, выбранное нами гормональное лечение сработало великолепно.

– Сработало великолепно? – неопределенно повторила Джулия, и перед глазами возникли те, как магнитом, притягивающие губы незнакомца. – Ах, вот оно что...

– Да вы как будто не рады! – удивилась доктор. – Ведь мы с вами мечтали о таких результатах!

Это была чистая правда. Ее гормональная система дала сбой сразу после развода. Было ли это совпадением, или следствием стресса, который тогда испытала Джулия – никто определенно сказать не мог. Да это и не имело значения. Главное, что сильный пол перестал существовать для нее. Она больше не замечала мужчин. Совсем! Абсолютно! В деловых костюмах или в джинсах, с аккуратными бородками и чисто выбритые, стройные, упитанные, коренастые, высокие, лысые и усадые... Все они теперь появлялись в поле зрения и исчезали из него в фоновом режиме. На работе, на улице, в лифте она проходила мимо, не замечая этого фона. Никто не пробуждал в ней никаких желаний. Ни одному из них даже улыбнуться не хотелось. Да какое там «улыбнуться», она даже не смотрела на мужчин – никогда, просто никогда не поднимала на них взгляд... Эта часть жизни давно перестала существовать в ее локальной системе координат.

И вот теперь вдруг, как снег на голову, все вернулось на круги своя! Из серого фона не замедлил отделиться загорелый незнакомец в джинсах, обтягивающих безо всяких сомнений красивые и сильные ноги. Южанин с черными глазами. И с такими притягательными губами. Но это ведь самый обыкновенный самец! А она, хоть и на мгновение, но готова была забыть все на свете...

– Мы с вами мечтали о таких результатах, – повторила доктор.

– Да, мечтали, – вдруг всхлипнула Джулия. – Да только я уже привыкла обходиться без этих проклятых гормонов. Я ведь сделала вполне успешную карьеру. Это стало возможным только потому, что мой мозг не отвлекался на такую ерунду, как поиски партнера по сексу. У меня хватало сил и времени управляться и с работой, и с детьми. Я все могла, на все была способна. Моя жизнь шла просто прекрасно. Вплоть до сегодняшнего дня... И что же теперь? Опять все сначала?!!

Она закрыла руками лицо и, перестав сдерживаться, зарыдала.

– Вот так сюрприз! – развела руками доктор Лайт. – Все у вас получится. Зато ваша жизнь снова окрасится прекрасными красками любви. Вы знаете, говорят, что у любви есть семнадцать оттенков!

– Семнадцать оттенков?! – все громче рыдала Джулия. – Зачем мне это? Я ведь только что, всего час назад готова была броситься на шею случайному встречному! Работа, дети, мое расписание на день, да и этот запланированный к вам визит – все это абсолютно вылетело из моей головы.

– Не надо плакать, – утешала ее доктор. – Вы ведь пришли ко мне! Значит, все-таки справились с этим наваждением? Поверьте, все будет хорошо.

– Да это просто случайность, что я спра-а-авилась, – голосила Джулия. – Я увидела его на заправочной станции – здесь, рядом, на углу Бэй и Первой улицы. Меня остановила только

одна маленькая деталь – кусочек поролона, торчащий из протертого водительского кресла его машины. Не знаю, почему, но только это вернуло меня в реальный мир.

– Вот видите, здравый смысл всегда найдет такую деталь! – попыталась подытожить доктор.

– Не-е-ет, не всегда, – не соглашалась Джулия. – Если б машина была закрыта или он не показал мне порванное сиденье, я не смогла бы опомниться. Это был изъяс, за который зацепилось мое ускользящее сознание. Я ведь судорожно искала в нем какой-нибудь изъяс. А если бы этого куска поролона в машине не было?! Боже мой, я была готова броситься на шею первому встречному, о котором ничего, ровным счетом ничего не знаю! И только потому, что у него такие сочные губы и красивые ноги. И волосы... И глаза... И плечи... Боже мой, что это со мной?

– Ну, если так, – засмеялась доктор, – может быть, вам надо было уступить своим желаниям? Судя по всему, это был вполне привлекательный мужчина.

– Вполне! – произнесла Джулия и будто внезапно очнулась. – Нет, доктор! Мне вашего гормонального лечения больше не надо! Я хочу обратно – в свою спокойную прежнюю жизнь. В жизнь, в которой нет места для незнакомцев с заправочной станции.

– Давайте сделаем так, – не сдавалась доктор. – Продолжайте назначенное лечение в течение двух недель и наблюдайте за своими эмоциями. А вдруг это чрезмерно сильное желание было случайностью? Давайте проведем еще один эксперимент, давайте проверим. А в следующий раз поговорим и решим, что делать.

– Хорошо, – нехотя согласилась пациентка.

– Ну, вот и славно! Сейчас медсестра выпишет вам новый рецепт, – с облегчением выдохнула доктор Лайт и вышла из кабинета.

...С ума можно сойти, какие странные пациенты попадают! Ну надо же – верни ее назад, в то время, когда она рыдала в голос о том, что не чувствует себя женщиной... Это еще хорошо, что удалось справиться с такой комедийной сценой! Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы пациентка прекратила лечение. Надо будет еще убедительнее поговорить с ней в следующий раз. Но это в следующий раз!

А сегодня ей нужно было бежать. Бежать вприпрыжку. Она опаздывала уже минут на двадцать. Жалуясь на свои беды, пациенты никогда не думают, что доктор – тоже женщина и имеет право на личную жизнь. На ходу сбросив халат и махнув медсестре рукой, она схватила сумочку и выбежала из приемной. Лифт почему-то долго не приходил, ей пришлось спускаться по лестнице и бежать через все фойе первого этажа...

Марио ее уже ждал. Его машина невозмутимо стояла напротив входа в здание. Доктор Лайт запрыгнула на пассажирское сиденье и, не успев устроиться в нем, наклонилась к Марио, прильнув к его губам. Какое наслаждение! Особенно после этой сумасшедшей пациентки, боящейся почувствовать себя женщиной.

Не произнося ни слова, Марио притянул ее к себе. О боги, как она его желала! Покачнувшись, доктор Лайт чуть было не потеряла равновесие, и рука ее соскользнула с колени Марио вниз на кресло. И вдруг... Что это?! Указательный палец утонул во что-то... мягкое. Она оторвалась от его губ – и увидела кусочек поролона, выглядывающий из дырки в драпировке.

– Марио, – неуверенно произнесла доктор. – Ты когда последний раз был на заправочной станции?

– Примерно час назад, – ответил он.

– Далеко отсюда? – продолжала она допрос.

– Да нет, рядом, на углу Бэй и Первой улицы.

«Ну и дела! – вздохнула про себя доктор Лайт. – Ну что же, в следующий раз я все-таки посоветую Джулии прекратить гормональное лечение! Она права, ей это абсолютно ни к чему».

И она снова прижалась к мягким губам Марио. Блаженство...¹

¹ Фантастическая версия этого рассказа («Краски любви») опубликована в книге «Про роботов, президента и апельсины».

Как стать звездой

Меня часто спрашивают, как стать звездой. Обычно я отмалчиваюсь, потому что, честно говоря, не знаю. Впрочем, могу рассказать, как стала актрисой я сама.

Эта история началась одним июльским утром, когда я вышла гулять с собакой. Кудрявый Бакстер семеня по дорожке впереди меня. Ласковое в этот ранний час солнце предвещало жаркий день середины лета, и жизнь казалась прекрасной, как никогда. Навстречу бежал мужчина в ярко-красной футболке. Мы частенько встречались с ним здесь в этот час, хотя никогда не заговаривали. На этот раз он, поравнявшись, остановился.

– Ты Мэдди, правильно? – спросил он по-деловому. – И твоего мужа зовут Глен.

– Ну да, – ответила я и уже открыла рот, чтобы спросить, как зовут его самого, но не успела.

– Ты знаешь, я работаю официантом в одном ресторанчике на Мэйн стрит, – проговорил он быстро, почти скороговоркой. – Примерно пару месяцев я обслуживаю там твоего мужа с какой-то брюнеткой.

– Ну и что? – на всякий случай улыбнулась я.

– Он обманывает тебя, Мэдди!

– Это шутка такая?

– Они обычно приходят по средам. Ресторанчик находится на углу Мэйн и Второй улицы, – он пожал плечами и добавил: – Извини.

Что за ерунда? Я была абсолютно уверена в том, что у меня счастливый брак, ведь недаром я все бросила и переехала в незнакомый город, только чтобы быть с ним. Впрочем, это я. А он? Да и он все время твердил, что на всей земле искал только меня: нежную, голубоглазую, светловолосую. Я была для него идеалом женщины, так он говорил. А тут какая-то брюнетка... Боже, да он действительно именно по средам приходит домой очень поздно, когда я уже сплю. Говорит, что они с партнерами встречаются, чтобы обсудить текущие бизнес проблемы в неформальной обстановке. Может быть, та брюнетка – деловой партнер? Да, но почему этот в красной футболке так уверен в обратном? Тут Бакстер повернул вглубь парка и я, на мгновение потеряв его из виду, побежала быстрее. А на бегу вспомнила: сегодня как раз среда.

Впрочем, до вечера еще нужно было дожить, и я потратила время с пользой. Первым делом я открыла картонный ящик, в который сбрасывались все бумаги. Среди них был счет по кредитной карте. Все правильно: ресторан по средам, отдых на известном курорте вместо объявленной мне деловой поездки, счет из... ювелирного магазина! Бездна открывалась передо мной! Настоящая бездна. А в нее надо заглядывать в боевой готовности. И я занялась собой. Сделала высокую прическу, оставив пару ниспадающих локонов. Надела торжественное черное платье. Потом посмотрела в зеркало – и передумала. Переделалась в джинсы и мою любимую ярко-зеленую кофточку. Распустила волосы, и они привычно прошлись волной по спине. Глену всегда нравились мои светлые волосы. Пусть любитесь... в последний раз. Впрочем, что это я, для него, что ли, прихорашиваюсь? Нет! Я иду в ресторан только для себя. Чтобы убедиться во всем своими собственными глазами. И точка. И я в последний момент схватила с верхней полки летнюю соломенную шляпку. Нахлобучила на голову. И убрала под нее волосы.

...Тот, в красной футболке, не обманул. Я сразу увидела их в дальнем углу зала. Глен сидел ко мне спиной, но его спутницу я прекрасно могла разглядеть – действительно, жгучая брюнетка. Мужа, видимо, бросало из крайности в крайность: от меня-то и вдруг к этой! А ведь мне говорил... Да что там! Недаром считается, что мужчины любят разнообразие! Он держал ее за руку, она улыбалась. Вульгарная ярко-малиновая помада окрашивала эту улыбку. Неужели, неужели же и ей он поет песни, что она – женщина его мечты и ему всегда нравились только темноволосые? Удивительная трансформация идеалов происходит в голове отдельно взятого мужчины!

– Будете ужинать? – спросили меня.

– Нет, – отмахнулась я. – Я просто ищу мужа.

И тут мой Глен перегнулся через столик и прижался к намалеванным губам брюнетки, продолжая сжимать ее руку. Я охнула.

– Вам помочь? – спросил меня все тот же служащий.

– Что?

– Ну, помочь найти вашего мужа? – уточнил он.

– Нет, спасибо, – выпрямилась я, – уже...

Они все еще целовались.

– Уже что? – переспросил он.

– Уже нашла!

Быстрой походкой я приблизилась к столику. Глен смотрел на меня так, как это умеет делать провинившийся школьник, – очки на его носу только усиливали это впечатление. Но комичнее всего казались остатки малиновой помады на его губах. Впрочем, вернее будет сказать: вокруг них... Улики любви!

– Тебе идет этот макияж! – я заставила себя улыбнуться.

– Мэди? – произнес он. – Что... что ты здесь делаешь?

Мне стало страшно смешно! Большого штампа и придумать было нельзя. Все, абсолютно все застигнутые врасплох неверные мужья задают именно этот ничего не значащий вопрос!

– Пришла сказать, что уезжаю. В этом городе мне больше делать нечего, – сказала я. – До свидания!

Я перевела взгляд на брюнетку. Малиновое пятно украшало ее подбородок. Ну и парочка!

– И будьте счастливы! – бросила я в ее сторону, уже через плечо.

Но перед тем как выйти из ресторана, все-таки оглянулась:

– Не забудь покормить Бакстера, меня там больше нет.

...Я стояла в очереди на регистрацию билетов, когда вдруг в зал вбежал мой почти уже бывший муж. В руках он держал по чемодану.

– Глен? – театрально воскликнула я. – Что ты здесь делаешь, дорогой?

– Я принес твои вещи! – сжимая челюсти от ярости, произнес он и опустил чемоданы на пол передо мной.

– Спасибо! – ответила я, гордо подняв голову.

Он повернулся, чтобы покинуть помещение, но, видимо, остался неудовлетворенным от встречи.

– А хочешь узнать, почему я от тебя ушел?

Я оглянулась по сторонам. Плотный мужчина, стоявший в очереди сзади меня, не скрывая этого, с интересом наблюдал нашу семейную сцену.

– Вообще-то это я от тебя ухожу! – поправила я.

Глен нервно дернулся в сторону плотного мужчины:

– Эй, знаешь, почему я ей изменил?

Тот отрицательно покачал головой, а Глен снова повернулся ко мне и медленно, чеканя каждое слово, произнес:

– Ты мне дала недостаточно счастья! Не-дос-та-точ-но!

Бездна снова открыла передо мной свою прожорливую пасть, и я чуть было не свалилась в нее, в какую-то черную бескрайнюю воронку. Надо за что-то ухватиться, что-то сделать, скорее! Как будто со стороны, как в замедленном кино, я видела свою взмывающую вверх ладонь. Она приближается к его щеке, еще ближе, еще – и вот уже на весь зал звенит отвешенная мной пощечина! Очки Глена летят на пол, от неожиданности он делает шаг в сторону – и под его ботинком хрустит стекло. «Бедняжка, как же он теперь домой доберется?» – думаю я.

– Полиция! – кричит мой муж. – Меня избивают!

Всего через мгновение перед нами возникает подтянутый полицейский.

– Проходите! – обращается он ко мне.

Но плотный гражданин преграждает мне дорогу.

– Пустите, – устало говорю я. – Спектакль закончен.

– Минуточку! – вдруг произносит тот, вытаскивая из кармана какое-то удостоверение и протягивая его полицейскому. – Офицер, мы всего лишь репетируем.

– Извините! – взглянув в документ, бросает полицейский и в мгновение ока покидает место действия.

Очередь поплыла вперед. Плотный подтолкнул меня туда, где регистрировали билеты в будущее. Автоматически я сдала в багаж чемоданы, принесенные Гленом, и направилась к эскалатору, ведущему в зал ожидания. С движущейся ленты глянула назад – муж все еще стоял там внизу. Без очков он вряд ли хорошо меня видел, но я все равно сдернула свою соломенную шляпку, и волосы золотой тяжестью упали мне на плечи. Прощальный аккорд.

– Вот это богатство! – воскликнули сзади.

Это снова был плотный человек, защитивший меня от полицейского.

– А вы смогли бы обрить эти волосы наголо? – ни с того ни с сего подмигнул он.

– Обрить? – переспросила я.

– Так точно!

Шутить, что ли, вздумал? Откуда же ему знать, насколько все равно мне сейчас это было! Насколько неважно! Снявши голову, по волосам не плачут.

– Без проблем! – с вызовом ответила я.

– Отлично! – сказал он. – Я вас беру.

– Куда?!

– Извините, я не представился. Дело в том, что я режиссер.

Я недоверчиво хмыкнула.

– Нет, правда! И мне срочно нужна актриса с длинными волосами, которая согласится их обрить. Машинкой! Перед камерой!

– Но я не актриса!

– О, не сомневайтесь! – усмехнулся он. – Я только что наблюдал вашу игру. Это работа высшего класса!

...И у меня все получилось! Я начала сниматься, нашла уютную квартирку рядом с парком, и жизнь потекла вперед. А как-то вечером, налив себе бокал превосходного испанского вина, я посмотрела по телевизору первую серию шоу с моим участием. Чудеса! Кроме того, я купила точно такого же пуделя, как Бакстер, и начала бегать с ним по утрам. И вот однажды в ранний час впереди на дорожке замаячила ярко-красная футболка. Я улыбнулась, вспоминая злополучного официанта, и собралась пробежать мимо.

– Ты Мэдди, правильно? – сказал «красная футболка».

Что за дежа-вю? Ерунда какая-то! У меня уже несколько месяцев не было мужа, про которого могли рассказывать компроматы! К тому же, я жила в совершенно другом городе. Это была абсолютно новая жизнь! Я подняла взгляд на парня – уфф, он был незнакомцем. Незнакомцем в красной футболке...

– Ну да, это мое имя.

– Клево! – воскликнул он. – А я все думаю, ты это или не ты. Я тебя вчера по телевизору видел – как ты обстригала волосы прямо перед камерой. Смело! Ты классно играешь в этом сериале!

Инстинктивно подняв руку, я пощупала свой бритый затылок. Ах, вот оно что! Никакого дежа-вю! Просто меня узнают на улице. Ура! Я стала знаменитой!

Видите, у меня нет готового рецепта, как стать звездой. Но одно я могу сказать наверняка: если вы узнали, что вам изменил муж, у вас такой шанс есть. Вы можете стать звездой! Это вам говорю я, Мэдди.

Хэппи-энд в большом городе

Я любила смотреть на его руки, когда он играл на пианино. Они взлетали над клавишами свободно, как птицы – в их движении была своя мелодия, своя печаль, своя страсть. Когда старенькое пианино затихало, мы покидали тесную квартиру и окунались в огни вечерней Москвы. И музыка продолжала звучать. Это был фортепьянный концерт огней большого

города. Мы бродили всю ночь, а на рассвете нам пели соловьи у Москвы-реки. Но однажды пианист затерялся в толпе. Я искала его отчаянно: в каждом встречном надеялась увидеть знакомое лицо, в каждом городском звуке – услышать знакомую мелодию. Все было напрасно, и я не могла больше выносить эту Москву...

...По вечерам я сидела в кафе, окна которого выходили на набережную Сены, и смотрела на скрипача. Что за наслаждение было следить за смычком, что за чудо – за телом музыканта! Каждой клеточкой он пел эту пронзительную мелодию. Когда кафе закрывалось, мы выходили на бульвар и медленно шагали мимо ярко освещенных витрин. Каждой клеточкой я чувствовала его рядом. Париж звучал романтично и сентиментально, как скрипка. Но однажды я отстала на пару шагов – и скрипач растворился в сиреневых сумерках большого города. Остался один пустой Париж...

...На сцене я видела только саксофониста. Его мелодия уносила меня в заоблачные дали. Лондон казался городом-импровизацией. После концертов мы протискивались сквозь толпу, запрыгивали в двухэтажные автобусы, целовались в красных телефонных будках. Но однажды новая импровизация увела у меня саксофониста. Я стояла на мосту одна и смотрела на красные огоньки «Лондонского глаза». Внизу текла темная холодная Темза. Если я прыгну вниз, никто и не заметит. Большому городу все равно...

...Я шагала по розовым звездам Голливудского бульвара. Яркие маскарадные огни освещали улицу. На тротуаре в своем знаменитом белом платье стояла Мэрилин Монро. Я поравнялась с ней и посмотрела ей в лицо. «Мэрилин» было лет шестьдесят. «В Голливуде все ненастоящее», – подумала я, и мой взгляд упал на витрину с париками разных цветов и оттенков. Чуть позже я вышла из магазина ослепительной блондинкой и отшвырнула прочь этикетку от своих новых волос.

– Вы что-то потеряли, – произнес кто-то.

Я обернулась. Он протягивал мне клочок бумаги.

– Выброси, – отмахнулась я.

Он взмахнул, и этикетка повторно упала на тротуар, а его рука освободилась. Второй рукой он держал футляр для гитары.

– Зато это был повод заговорить с тобой, – сказал он. – Кстати, я всегда влюбляюсь только в блондинок.

– А я влюбляюсь только в музыкантов, – улыбнулась я и взяла его за руку.

– Очень жаль, но я не музыкант. Меня просто попросили донести гитару, – он сжал мою руку так, как будто боялся, что я сейчас вырвусь и убегу.

– Жаль тебя разочаровывать, но и я не блондинка, – и я сдернула парик.

Он залился заразительным смехом, но мою руку не выпустил. Фонарь рядом погас и зажегся снова – это подмигнул нам Голливуд. Большой город хохотал вместе с нами, и это была самая прекрасная музыка на свете – музыка, под которую случается хэппи-энд.²

² Существует фантастическое продолжение этой истории. Рассказ с продолжением («Хэппи-энд») опубликован в книге «Про роботов, президента и апельсины».

Ошибка Ричарда

— 1 —

В тот день Ричард вернулся с работы раньше, чем обычно. Ни жены, ни Макса дома не было. День был жаркий. Он прошел на кухню, достал бутылку воды из холодильника и вдруг заметил телефонную трубку, валяющуюся на кухонном столе, а рядом – записочку с номером телефона. Имя на ней было написано по-русски, но Ричарду хватило знания русского алфавита, чтобы подставить вместо каждой буквы ее латинский аналог: Николай. Мужское русское имя, а телефон местный. Вот оно что... А он-то, дурак, голову чуть не сломал, думая, что же в последнее время происходит с женой. Она казалась переутомленной, раздраженной и закрытой от него на большой и крепкий замок. Теперь понятно, почему она постоянно «висела» на телефоне, громко, на весь дом, разговаривая на этом чужом для него языке... Он-то ничего не понимал, кроме разве что слов «привет» и «пока». Эх, это было ошибкой – связать свою жизнь с русской.

Наверное, они никогда не понимали и не чувствовали друг друга до конца. Она так и осталась для него чужой. Даже во время самых интимных моментов у Ирины часто вырывалось

вдруг что-то на родном языке. Вначале это только забавляло Ричарда, и он с любопытством переспрашивал, что именно она сказала. Иногда он даже пытался угадывать, а она при каждой новой попытке заливалась серебристым смехом. Но со временем эти случайные русские слова все больше походили на доказательство их принадлежности к двум совершенно разным мирам. Вполне возможно, что миры эти – непересекающиеся. Траектории их жизней соединились по ошибке, следуя искривленному пространству, которое создает вокруг себя любовь.

Их странный союз наверняка не имел никаких шансов на успех, он был неустойчивым по определению, как мячик на самой вершине холма. Рано или поздно даже под самым легким дуновением ветра мяч обязательно покатится вниз. Так и с русской женой. Рано или поздно она, видимо, должна была столкнуться на одной из улиц Лос-Анджелеса с каким-нибудь своим соотечественником. Рано или поздно ей обязательно захотелось бы, чтобы ее партнер понял каждое ее слово, каждый ее жест и вздох в тот самый момент. И чтобы не потребовалось этого дурацкого угадывания. Вероятно, это «рано или поздно» и произошло с его женой. И ведь даже мысль о Максе, с которым они так привязались друг к другу, не смогла ее остановить. Сила притяжения подобного к подобному оказалась сильнее. Ветер подул – и мячик покатился с горки. Как все просто, черт побери.

Ричард почувствовал комок в горле. Неужели и вправду у жены роман с каким-то неизвестным ему Николаем? Да очевидно, что так и есть! Вот куда, например, она запропастилась так надолго день или два назад? А когда вернулась, ничего не объясняла, а только и сказала, что была занята, устала и пойдет спать. Бледная, глаза красные, как будто плакала – наверное, выясняла отношения с этим самым русским Николаем. Он почувствовал сильную жажду. Воды... Вот же в руках бутылка. Сделал глоток. Стоп, в любой момент сюда может вернуться жена, а видеть ее сейчас ему нисколько не хотелось.

Через несколько минут Ричард уже шагал по бульвару Вествуд: в голове ни одной умной мысли, на плечах как будто по камню, а руки в карманах зажаты в кулаки. Подожди-ка, а что это за бумажка в левом кармане? Записка с телефоном Николая. Видимо, он захватил ее с собой в состоянии шока. Позвонить, что ли? Просто чтобы подтвердить догадку. А иначе как жить дальше с такими мыслями? Ричард вытащил из другого кармана сотовый телефон и набрал номер. Ответили мгновенно. Голос мужской. Ричард представился.

– А, здравствуйте, мистер Брайт, – приветливо ответили ему с неповторимым русским акцентом, – Как чувствует себя ваша жена?

– Хорошо, спасибо, – не нашел ничего лучшего Ричард.

– Ну, вот и отлично, и вы не волнуйтесь. При аборте, конечно, всякое бывает, но операция вчера прошла хорошо и я уверен, что все будет в порядке.

У Ричарда мгновенно потемнело в глазах:

– Простите, я не расслышал, не могли бы вы повторить?

– Я говорю: аборт прошел удачно, у меня многолетний опыт, я знаю. Не волнуйтесь. Вы же волнуетесь, не правда ли? Поэтому ведь и звоните мне вечером? Все будет хорошо.

Ричард не успевал за его словами. Слишком много слов...

– Спасибо, – выдавил он из себя после паузы, – это именно то, в чем я хотел убедиться.

И добавил:

– Извините за поздний звонок.

– Нет проблем, доброй ночи и вам, и Ирине, – дружелюбно ответили на том конце.

Разговор был закончен, но Ричард все еще прижимал телефон к уху и не мог пошевелить ни рукой, ни пальцами. Вот как оказывается... Вовсе и не было никакого русского встречного, не было разговоров по-русски во время никаких таких эдаких моментов. Был только обыкновенный калифорнийский врач русского происхождения, который убил его, Ричарда, ребенка. И говорил он об этом так спокойно, как будто ровным счетом ничего из ряда вон выходящего не произошло. Ричард чувствовал, как ноги становятся ватными, но все равно упрямо про-

должал отмеривать шаги по тротуару. Сука! Русская сука! Как она посмела? Все четыре года совместной жизни с ней он мечтал о продолжении рода, о своем малыше. Конечно, с Максом они прекрасно подружились, но он был чужим мальчиком, в нем не текла кровь Ричарда и его предков. А Ирина все эти годы продолжала кормить его сказками: она, мол, хочет, но не удаётся забеременеть. Пришла ужасная мысль: а вдруг она совершила такое не впервые? Но почему?!

Ричард пересек Велшир и здесь, вблизи университета, окунулся в вечернюю студенческую толпу. Он любил сюда заходить. По вечерам в здесь кипела жизнь, а молодые лица непременно заряжали энергией и оптимизмом. Но в тот день это средство явно не работало. Вот и эти два хохочущих создания, и те, идущие в обнимку, вызвали у него только приступ горечи. Ни те, ни другие еще не знают, что жизнь может причудливо свести тебя с чужим человеком с непостижимой для тебя логикой и недоступными твоему пониманию желаниями. Нет, правильнее в этом случае будет сказать нежеланиями! Неужели любовь призвана заводить в тупик? Или он сам виноват, связавшись с этой русской – с акцентом, как будто из фильмов о Джеймсе Бонде? Вот-вот, все эти годы в его доме жила шпионка, и не только в доме, но и в жизни. А он ей так доверился. Этот абсурдный аборт, сделанный в тайне от него, поставил на его браке большой жирный крест.

Спешить теперь было некуда. Ноги привели его в любимую кофейню, где он автоматически заказал капучино. Остаться внутри не хотелось. Он вышел на террасу и примостился за столиком с видом на оживленную улицу. На другой стороне тротуара уличный музыкант играл на саксофоне. Звуки джаза навалились на бедного Ричарда. Он знал, что жизнь не останавливается, она идет и проходит мимо. А сегодня у него с ней совсем не ладилось, с этой жизнью.

Через пару минут улыбающаяся официантка принесла ему широкую чашку с пеной до краев. Какая лучезарная улыбка у нее – насквозь светится счастьем. Интересно, сколько ей лет? Наверное, лет двадцать. Столько же было Ирине, когда у нее родился Макс. В этом возрасте закончилось ее детство, и она оказалась одна перед лицом жестокой действительности. Какое дело ей было до маленького человечка, который в то время жил у нее под сердцем? Да он был просто обузой. Отец ребенка, которого, как сделал вывод Ричард, она в то время безумно любила, объявил о разводе во время ее беременности и, как ни трудно в это поверить, обещал совсем отказаться от ребенка. А малыш-то еще даже и не появился на свет! Ричард вспомнил, как Ирина рассказывала, что смотрела она на новорожденного и плакала от обиды, от горя, и оттого, что он был ей ну совсем, ни капельки не нужен. Она говорила, что потом у нее как будто случился провал в памяти, и она почти не помнила ничего из первого года жизни Макса. Для нее его раннее детство слилось в сплошную серую пелену недосыпания, усталости и одиночества. И безнадежности...

Вдруг пришло на ум, что ни в одной компании, где им приходилось бывать вместе, Ричард не замечал, чтобы она участвовала в каких-нибудь разговорах о воспитании детей, или восхищалась малышами, или просто попыталась взять на руки маленького ребенка. Почему-то раньше это никогда не приходило ему в голову... Может быть, протяжные звуки уличного саксофона помогли это вспомнить?

Самым непостижимым для Ричарда было то, что вместе с разводом ее первый муж отказался от родительских прав, подписав соответствующие бумаги. Ему не был нужен его собственный ребенок! Вот такие они, эти русские... Помнится, Ирина рассказывала эту историю, когда они сидели в одном из таких же кафе и ели вишневое мороженое. Вернее, ела и рассказывала она, а у Ричарда под впечатлением услышанного аппетит совсем пропал. Его мороженое в конце концов превратилось в жалкую розовую водичку. В то время они были вполне счастливы, и он ничего большего от жизни не желал. Ну, разве что продолжения этой семьи... Почему же она это сделала? Боится, что он, Ричард, оставит ее во время беременности, как это уже случалось в ее жизни?! Да не было никаких оснований для этого, и живут они вместе уже

достаточно долго. Может быть, она не хочет трудностей, связанных с малышом? Или она сама толком не знает, чего боится? Да и вообще, все ли в порядке с ее русской головой?

За соседний столик уселась парочка. Она – рыжая и кругленькая, он – курносый блондин. Он высыпал сахар из пакетика сначала в ее чашку, потом – в свою. Она помешала кофе соломинкой – сначала в его чашке и только потом в своей. И залилась хохотом. Ричард невольно улыбнулся: эх, смешные. Когда-то и они с Ириной так же шутили, не могли насмотреться друг на друга и наговориться вволю. А теперь все кончено. Она чужая. Такого предательства Ричард простить ей не сможет. Слово «предательство» было произнесено, капучино допит, в чашке на дне остался только островок светло-коричневой пенки. И от счастья осталась только жалкая пенка с привкусом горечи... Он наблюдал, как музыкант на тротуаре укладывал свой саксофон в футляр. Нет больше музыки. Вся кончилась. Ричард поднялся и направился домой, прочь от этой оживленной толпы, где все еще продолжалась жизнь, в тот день обходившая его стороной...

– 2 —

– Да, Свет, я этот самый аборт уже сделала, – кричала Ира в телефонную трубку. – Поздно меня переубеждать.

– Ну почему ты не посоветовалась со мной, почему не позвонила? – на том конце провода отчетливо стали слышны всхлипывания, как будто дело происходило за стенкой, а не на другом конце океана.

– Да потому и не позвонила: знала, что ты меня будешь разубеждать. Ты же у нас натура романтическая.

– А ты какая? – донеслось из Москвы.

– А я – прагматичная. Меня жизнь научила. Ты пойми, что из-за своего счастливого брака ты наивна до безобразия. Ты не представляешь себе, что такое рожать ребенка, которого никто не хочет. Знаешь, какое у меня самое сильное воспоминание из детства Макса? Выхожу я из троллейбуса, сложенная коляска «Мальвина» – в одной руке, ребенок – в другой. Делаю шаг вниз – и нога соскальзывает: коляска сваливается в одну сторону, а Макс уже летит в другую, прям под колесо. Помню, как потянулась, чтобы удержать его в руках – и бряк, сама сижу на асфальте: Макс все-таки со мной как ни в чем ни бывало, ноги мои – в разные стороны. А встать не могу – силы испарились без остатка. Помню, как кто-то наклонился надо мной с вопросом, все ли в порядке – это был водитель троллейбуса. Он вышел посмотреть, что происходит, и кто это там падает ему под колеса.

– Ну, так что же ты вспоминаешь дела давно минувших дней? Этот брак – другой. И муж твой безумно хочет ребенка, – недоумевала подруга.

– Во-первых, тот тоже хотел. Расхотел он, когда я была на пятом месяце. Во-вторых, не угадаешь, что Ричард думает на самом деле: мы воспитывались на разных сказках и думаем на разных языках. Давит он на меня «давай ребенка» и не интересуется, хочу ли я этого. А в-третьих, я больше рисковать не хочу. Я уже знаю, какова жизнь одинокой мамашки без копейки в кармане и без перспектив на будущее.

– Ирка, хоть я и наивная, но скажу: если ты не планируешь больше детей, Ричард рано или поздно от тебя уйдет, ты не сможешь его вечно водить за нос, – вздохнула Света.

– Да не то что бы я не хочу... Но чтобы решиться на такое, у меня должна быть работа и свой стабильный доход. Я не должна зависеть от мужа и дрожать, не свалит ли он. Да, похоже, он меня любит, но никто не знает, что будет через месяц, через год, или через десять. Я только что начала работать. Ты не понимаешь, как непросто найти хорошее место здесь, особенно иммигрантке, – Ирина говорила быстро, чтобы не дать Свете никакой возможности возра-

зять. – Мне надо хотя бы несколько месяцев продержаться на этой должности, чтобы утвердиться там... И вообще, я не имею права на вторую ошибку.

Подруга больше не спорила, хотя иллюзий о том, что ее удалось убедить, у Иры не было. Они обменялись несколькими ничего не значащими фразами и распрощались. Невозможно ждать от Светки понимания: брак у нее первый и единственный. Живет она в Москве среди многочисленных родственников и друзей. Да и утро у нее. А здесь вечер. И Ричарда почему-то нет с работы. Как бы Макс там в своей комнате не заснул, пока его ожидает. Ира отхлебнула из стоявшей перед ней чашки – чай был еле теплым. Надо меньше трепаться, все равно бесполезный был разговор. И без Светки на душе пусто. Кем был тот малюсенький эмбриончик на экране монитора: девочкой или мальчиком? Теперь уже никогда не узнаешь. Зачем только она посмотрела на экран? Теперь навсегда отпечатается в памяти это светлое пятнышко, которому так не повезло. А вот и щелчок. Ричард. Наконец-то.

– Макс тебя очень ждет с домашним заданием, – встретила она его.

– Подожди с уроками, мне нужно с тобой серьезно поговорить, – с порога произнес муж.

– Может быть, в другой раз? – попробовала уйти от разговора Ира. – Я не очень хорошо себя чувствую...

И это была чистейшая правда.

– Я быстро, – твердо ответил он. – Хочу поставить точку в нашем с тобой споре по поводу ребенка.

Ноги подкосились, и она облокотилась на стол, стоящий сзади нее.

– О боже, только не это, – взмолилась Ира.

Но он будто не слышал ее возражений.

– Так вот, я думал-думал и, в конце концов, принял решение: если ты так сильно не хочешь детей, то и я больше не буду настаивать. Мне и вас двоих хватит для счастья. Тебя и Макса. Давай закроем эту тему. Навсегда.

Ира не успела ничего ответить. Стол неожиданно поплыл назад, и ноги предательски заскользили. Шлеп – и Ирка оказалась на полу. Попробовала подняться, но тщетно – силы определенно покинули ее.

– С тобой все в порядке? – наклонился над ней Ричард.

И вдруг на мгновение ей почудилось, что это тот самый водитель московского троллейбуса...

– Нет-нет, я туда не хочу, – вырвалось у нее по-русски.

– Не знаю, что ты там бормочешь, но я с тобой, сейчас мы поднимемся и будем пить чай, – сказал муж.

Он помог ей подняться и усадил на стул. Но насладиться чаепитием им в этот раз не удалось. Пришел Макс и утащил-таки Ричарда к себе в комнату перемножать дроби.

...Через год у них родилась девочка. Принимал ее врач Николай: у него многолетний опыт и он не подвел. С Макса Ричард взял обещание – помогать сестре с уроками, особенно с дробями. А тот и не возражал.

Черный лед

— 1 —

С трудом открыв входную дверь, Кристина вышла на улицу. Воздух влажный и холодный, небо – серое, унылое. На нос упала холодная капля. Еще и дождь! Черт, до чего же мерзкий день понедельник! Она вздохнула и накинула капюшон. Ну что это за зима, когда вместо снега сверху беспрестанно капает и капает! Кристина нашла взглядом свою машину и шагнула в ее сторону. Вернее, попыталась сделать шаг. В одно мгновение правая нога заскользила и – бряк! – мир совершил кувырок. Вот только вперед или назад – этого Кристина понять не успела. В следующее мгновение она уже лежала на спине и видела перед собой только небо, затянутое ядреными темно-серыми тучами.

Кто сказал, что над Канадой небо синее? Если б это было так, то в голове родились бы какие-нибудь умные мысли – как у Андрея Болконского, например. И открылся бы, наконец, смысл ее запутанной иммигрантской жизни! Но в голове было пусто. На нос снова упала ледяная капля. Это не мир, это она сама кувыркнулась и лежала теперь на обледеневшем тротуаре в позе «я ваша навеки». Чертовы каблуки! Попробуй встань... Кристина отодвинула в сто-

рону сумку с ноутбуком и перевернулась на живот. С трудом собрала конечности под себя и встала на карачки. И теперь уже осторожно, сначала хоть как-то нащупав каблуками абсолютно скользкую поверхность, поднялась на ноги. Ох, поясница! Основной удар пришелся на попу. Мелькнула мысль: «Уж лучше бы головой бабахнулась – все проблемы и решились бы сами собой!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.